

GISMONDA

IMPRIMERIES LEMERCIER, PARIS.

34 года - много это, мало? Пожалуй, смотря о чем идет речь...

Если рассуждать о жизни в целом - безусловно, мало. Можно еще жить да жить!

А вот если говорить о карьере художника... что ж... наверное, лучшие годы, самые продуктивные и творческие, остались позади. И ему, увы, нечем похвастать. Он не создал ничего выдающегося, ничего значительного... хотя мог бы! Он чувствовал (нет, знал!), что способен на большее. Ему просто не повезло.

Примерно об этом размышлял Альфонс М. холодным зимним вечером 1894 года. Близились Рождество, Париж был волшебно прекрасен, а парижане - полны предвкушений... все, кроме него. Он ничего не ждал и ощущал тревожную усталость.

"Хотя я и не парижанин вовсе, - рассеянно подумал Альфонс, грея в ладонях бокал с вином. - И даже не француз".

Да, он был родом из Южной Моравии, маленького городка Иванчице, а в столицу Франции перебрался только в 1887 году. Какое-то время его жизнь была не так уж плоха, он успешно обучался в художественной Академии Жюлиана, а затем и Коларосси... но любая сказка рано или поздно завершается, и ей на смену приходит суровая реальность. В его случае такая реальность обернулась потерей средств к существованию, а значит, - невозможностью и дальше осваивать таинство живописи и оттачивать свои способности. Однако Париж М. не покинул и последние несколько лет перебивался незначительными заказами: изготавлял визитные карточки, календари и прочее в том же роде. Но все это было мелко, неинтересно... скучно! Альфонс знал, что обладает куда бóльшим творческим потенциалом, вот только где он, шанс, чтобы доказать свой талант?

Минувший год выдался особенно трудным в финансовом отношении. Денег было в обрез, и мечты съездить на родину, навестить близких, остались мечтами - вернее, их пришлось отложить на неопределенное будущее. Такое путешествие требовало средств, и средств немалых. А потому

Альфонс, глубоко разочарованный, остался во французской столице. И настроение молодого человека вовсе не улучшалось при мысли, что многие его коллеги-живописцы преспокойно отправились на рождественские каникулы. Париж для него словно вымер и опустел, утратив половину своей прелести... и окружающая рождественская мишура нисколько не радовала - наоборот, напоминала о собственной невезучести.

“Дорогой друг, - припомнились ему слова более удачливого друга-художника, - раз уж ты остаешься в Париже, может, поможешь мне? Нужно проследить за печатью моих иллюстраций, я сам не успеваю...”

Что ему оставалось делать? Конечно, Альфонс согласился, пускай и без чрезмерного энтузиазма. И теперь немало времени проводил в издательском доме Лемерсье, где и печатались иллюстрации его знакомого художника.

-Надоело, - пробормотал Альфонс вслух - просто, чтобы услышать звук собственного голоса. - Надоело.

Утомленный дневной суетой (не нашлось ни одной спокойной минутки), месье М. сидел в кресле у камина с бокалом вина в руке и газетой на коленях. Он наблюдал за игрой пламени и прислушивался к свисту ветра за окном. Его томило странное предчувствие... что-то надвигалось... но вот что именно? Точного ответа его интуиция не давала.

Раздался визг телефонного аппарата, и М. невольно содрогнулся, неохотно возвращаясь в реальность. Покосившись на истерически разрывающийся аппарат, Альфонс тяжело вздохнул и заставил себя подняться, даже не догадываясь, что звонит ему сама Судьба.

Месье де Бруноф был в ярости и отчаянии одновременно. Он мерил торопливыми шагами кабинет и, нервно заламывая руки, извергал громогласные проклятия, ни на кого конкретно не обращенные. Его помощник Клайд хорошо знал

своего начальника и не воспринимал всерьез его плохое настроение.

-Вы уверены, Клайд? - в который раз спросил владелец типографии. - Никого толкового не осталось?

-Только этот малый, Альфонс Му́ха, - спокойно повторил помощник. Пряча ироничную улыбку и втайне забавляясь, он следил за стенаниями своего босса с деланно сочувствующим видом. - Вполне толковый!

-Тот, что таскается сюда, верно? - хмуро пробормотал де Бруноф, замедляя шаг. Казалось, он почти смирился со своей участью. - Что ж... он график, верно? А график нам нужен.

-Мне кажется, он справится, - осторожно сказал Клайд, не рискуя проявлять избыточный оптимизм... иначе можно стать идеальной кандидатурой на роль козла отпущения!

Де Бруноф тяжело вздохнул, закрывая глаза. Вечерок выдался не из легких! Все шло, как по маслу, никаких проблем не предвиделось... и вдруг - звонок. И позвонил не кто-нибудь, а представитель самой Сары Бернар... и, увы, с плохими новостями. Выяснилось, что знаменитость крайне недовольна рекламным плакатом для последнего спектакля "Жисмонда", даже считает его грандиозной неудачей. И, конечно, требует передать заказ другому художнику. Вот только где его взять, если все мастера разъехались на рождественские каникулы?

-Ладно, попробуем этот вариант, - проворчал де Бруноф. - Пускай будет месье Му́ха. У него хоть его телефон? Он, вроде как, беден.

-Зато не откажется помочь, раз у него туго с деньгами, - постарался подбодрить начальство Клайд. - Под Рождество многие предпочитают отдыхать, сами знаете.

-Тоже верно, - исторг очередной вздох де Бруноф. - Ладно, соедини меня с ним... надеюсь, он сейчас дома.

И, к счастью, Альфонс Му́ха был дома.

34-летний художник поднял трубку и устало произнес:

-Альфонс Му́ха у аппарата. Я вас слушаю.

Раздался треск, потом последовали трудно разборчивые слова. Оказалось, звонят из типографии.

-Да, месье де Бруноф, - встревожился Альфонс. Что там опять произошло, да еще на ночь глядя? - Чем могу помочь?

-Мой дорогой Му́ха, только что мне позвонила Сара Бернар, - отозвался де Бруноф. - Ей нужен рекламный плакат для постановки. Он должен быть готов к утру новогоднего дня. Вы когда-нибудь делали что-либо подобное?

Му́ха показалось, что у него на миг остановилось сердце, а потом забилось вновь, да с такой силой, что молодому человеку сделалось жарко от бешеного тока крови. И разволноваться было от чего: плакат для самой Сары Бернар! Это ли не мечта? Правда, оставалась одна маленькая проблема...

-Нет, я не делал ничего подобного... *пока*, - Му́ха решил не врать, хотя его так и подмывало слегка с лукавить. - Но я могу попробовать.

Де Бруфон ответил не сразу. Буйное воображение Му́ха рисовало ему образ директора типографии, нервно теребящего свой галстук и морщившего лоб... сомневающегося... решающего его, Альфонса, судьбу.

-Вы уверены в своих силах? - наконец, недоверчиво уточнил де Бруфон. - Вы справитесь?

Альфонс, конечно, не мог ничего гарантировать, но уверенности в себе ему было не занимать.

-Я совершенно уверен, - твердо произнес он.

-Что ж... пожалуй, у меня нет выбора... вы - лучший из художников, которые остались под Рождество в Париже...

Комплимент был довольно сомнительным, однако Му́ха понимал, что сейчас не самый подходящий момент для обид.

-Хорошо, тогда приходите ко мне завтра с самого утра. Я введу вас в курс дела. Всего вам доброго! - и де Бруфон повесил трубку.

Последовав его примеру, Альфонс коснулся лба и обнаружил не без удивления, что умудрился вспотеть во время разговора. Это зимой-то!

-Что ж, Альфонс, - пробормотал художник, покусывая губу. - Это он. Твой шанс. Смотри не упusti!

Альфонс не считал себя театральным завсегдатаем, тем более что средства принуждали к предельной экономии, однако вечер следующего дня провел именно в театре. Этот спектакль он пропустить никак не мог, ему важно было увидеть Сару Бернар на сцене и понять, как запечатлеть ее на новой афише.

-Сара Бернар несколько капризна, - вспомнились его осторожные наставления Брунофа. - Поэтому нужно создать нечто особенное... не просто афиша, а произведение искусства, надеюсь, вы понимаете, дорогой мой Му'ха?

Еще бы ему не понимать! Сара Бернар, сама Сара Бернар! Богиня Сцены. Несравненная и Единственная. О ней слышали все, ее обожали, ей поклонялись.

Альфонс уже видел госпожу Бернар в других постановках (как и большинство парижан), но тогда он смотрел на зритель, теперь же - как художник. И это все меняло.

Да, взгляд художника менял восприятие, но не менял сути, а суть была проста: Сара блистала, вдохновляла, поражала воображение. Она была не талантлива, нет - гениальна. Прирожденная актриса. И так дивно хороша собой, не поверишь, что ей уже далеко за 40... или все 50? Альфонс не был уверен, сколько лет великой актрисе, да и какая разница? Выглядела она превосходно в свои немолодые годы.

Любуясь Госпожей Сцены, Альфонс не переставал восхищаться. Вот ведь играет! Лучше всего ей удалась сцена смерти, и это Му'ха совершенно не удивило. Говаривали, Сара Бернар заказала

специальный гроб, в котором спала каждую ночь - ход экстравагантный и смелый! То ли она хотела таким образом привыкнуть к мысли о собственной бренности, то ли желала прослыть оригиналкой (что ей всегда удавалось)... а может, оттачивала актерские навыки столь странным манером. Результат был налицо: Сара невероятно правдиво изображала процесс умирания, принуждая зрителей верить ей, сопереживать, оплакать судьбу ее героини. И Альфонс, внутреннее подмечая каждую деталь, сопереживал вместе с прочими. Он не мог не подпасть под властное очарование обворожительной Бернар.

“Да, старик типограф прав, - рассеянно размышлял Альфонс, наблюдая за истовой игрой актрисы. - Саре Бернар нужна не просто афиша... ей нужно что-то необыкновенное...”.

Справится ли он? Му́ха готов был приложить все свои способности, чтобы поразить воображение актрисы не менее сильно, чем она поразила его собственное.

Самонадеянное желание, но именно такие устремления помогают нам совершать чудеса.

И вот настало время для раздумий... вернее, времени-то как раз было в обрез, до Нового года оставались считанные дни, и в распоряжении Му́ха была, пожалуй, только одна ночь - та, что следовала за спектаклем. Хватит ли ему нескольких часов, чтобы сформулировать Главную Идею? Впрочем, выхода нет - должно хватить, иначе его афиша повторит несчастливую судьбу своей предшественницы, и Альфонс окончательно пополнит ряды художников-неудачников.

А значит, нужен особенный замысел... что-то оригинальное... некий новый подход к проблеме... и Му́ха казалось, он почти нашел его - смутный образ будущей афиши вспыхнул в воображении живописца еще в момент просмотра спектакля, когда госпожа Бернар горделиво выпрямилась, и молодой человек невольно поймал себя на мысли, что актриса производит впечатление высокой -

несмотря на очевидно скромный рост. Стройная вытянутая фигурка, довлеющая над зрителями... глядящая на них с высоты своего безмерного таланты... в этом что-то есть, верно? Му́ха нужно было лишь окончательно понять, как превратить зыбкое "что-то" в конкретную идею.

-Не тот размер... - пробормотал Альфонс себе под нос, рассеянно взмахивая собственную шевелюру и морща лоб. Перед ним на столе лежал набросок с зарисовками возможных афиш... ни один вариант не удовлетворял требовательного Му́ха. - Этот не подходит...

В те времена формат афиш и плакатов всецело зависел от размера типографского камня, используемого для печати. И обычно художники смирялись с подобной зависимостью, однако Альфонс смиряться не хотел. При других обстоятельствах - возможно, но не в том случае, когда ставки столь высоки.

Ему виделась афиша, подчеркивающая стройность знаменитой актрисы, зрительно вытягивающая ее хрупкую фигуру... увы, размер типографского камня этого не позволял.

-А что если... - вдруг осенило мастера, и его лицо даже помолодело, озаренное радостью прозрения. - Это может сработать!

Он решил уложить рядом два узких сегмента, которые образовали бы длинный каркас - идеальную основу для изображения вертикально вытянутой фигуры. Такая афиша смогла бы продемонстрировать героев в полный человеческий рост. Именно то, что надо!

Чрезвычайно довольный собой, Альфонс Му́ха принялся фантазировать дальше, развивая сырую пока идею и даже не подозревая, что тем самым кардинально меняет подход к созданию плакатов и ашиф.

27 декабря афиша к спектаклю «Жисмонды» была готова, и в первый день Нового года она уже украсила улицы французской столицы. И Альфонс Му́ха, прогуливаясь по Парижу, с затаенным удовольствием наблюдал за реакцией прохожих.

И реакция превысила самые смелые и радостные его ожидания.

Плакаты развесили на уровне глаз, и потому возникало четкое ощущение, что Жисмонда не картинка, а живой человек... думалось, госпожа Бернар вот-вот соскользнет с афиши и ступит на парижские мостовые.

Сама же Сара в образе Жисмонды казалась истинным божеством (коим и являлась, по глубокому убеждению Му́ха). Точеная и стройная, словно тростинка, она была облачена в шитый золотом наряд сложной структуры, а ее рыжеватую гриву волос венчал роскошный венок. Белокожая нимфа взирала куда-то вверх, обращая свой взор к Небесам и, видимо, размышляя о чем-то высоком, недоступном простой публике. На губах ее блуждала легкая улыбка... впрочем, не улыбка, нет - лишь призрачный намек на нее. Довершала же красочный образ византийская мозаика за спиной героини.

Прохожие останавливались возле афиши, обменивались восхищенными репликами, недоверчиво качали головами. До покрасневшего от удовольствия художника доносились обрывки их фраз: "Невероятно!", "Какая красивая работа...", "Никогда не видела ничего подобного!".

Он смог. Он сделал. Он воспользовался шансом, который подарила ему Судьба.

-Их сорвали! Срезали! - у месье де Бруфона был достаточно забавный вид, и Клод не мог решить, какие чувства переполняют его босса, удивление или возмущение. - Афиши!

-Все? - поднял брови Клод.

-Нет, но порядочно...

Помощник директора типографии помедлил, прежде чем задать следующий вопрос:

-Это... хм... означает неудачу? Людям не понравилась афиша Му́ха?

Типограф озадаченно посмотрел на молодого человека, словно не вполне понимая сути его

вопроса, потом раздраженно махнул рукой, будто отгоняя муху:

-Нет, наоборот! Судя по всему, людям как раз ПОНРАВИЛИСЬ афиши... до такой степени, что они посрывали и посрезали их со стени забрали себе домой. Как картины! Каково, а?

-Что ж, это ведь хорошая новость? - осторожно уточнил Клод, не понимая, чем вызван гнев его хозяина. - Афиши все равно недолговечны.

-Да... я просто не уверен, как к этому отнесется госпожа Бернар, - со вздохом пояснил свою досаду де Бруфон.

Начальник типографии переживал зря - Сара Бернар отнеслась к новости вполне спокойно. Скорее, она ее позабавила и приятно удивила. Разумеется, риска, что не все зрители узнают о дате спектакля, не было никакого, и актриса прекрасно это сознавала. Порою она даже думала не без снисходительной иронии, что стоило бы провести эксперимент и обойтись без афиши совсем - звезда могла поспорить, что зал все равно будет полон.

Спектакль в "Ренессансе", как всегда, прошел на "ура": аншлаг, неистовство, рукоплескания... а по завершении действия Сара обнаружила с привычным самодовольством, что ее гримерка превратилась в цветник. Букетов было невероятно много, и все они источали сладко-душный аромат, от которого кружилась голова. Госпожа Бернар, впрочем, была привычна к столь пьянящим запахам, ее постоянно задаривали цветами и сувенирами подороже. И женщина не сомневалась, что и теперь среди корзин с розами и прочей флористикой отыщутся более ценные подношения восторженных зрителей - возможно, даже ювелирные изделия. Так бывало не раз!

Улыбаясь своим мыслям и не торопясь разоблачаться, великая актриса сидела перед зеркалом и любовалась собственным отражением. Хотя видела не себя, а

обворожительный образ, созданный художником для ее последней афиши.

“Как его зовут-то? - рассеянно подумала Сара. - Альфонс Му´ха, кажется...”

Это имя стоило запомнить, ибо Сара Бернар собиралась сделать сего господина своим “штатным” художником. Он был явно талантлив... афиша в его исполнении оказалась превосходной, Сара не смогла сдержать восхищенный вздох, когда впервые увидела ее. Чудесно, просто чудесно!

“Мне нужно с ним познакомиться, - продолжала размышлять Сара, поправляя игривый рыжеватый локон. - Он должен стать главным декоратором нашего театра...”

И она знала, что добьется своего. Кто посмел бы ей отказать, в конце концов?

Му´ха тоже был в этот вечер в театре, на сцене которого блистала несравненная Сара. Он любовался ею, не зная и даже не догадываясь, что жизнь его скоро кардинально изменится, и изменится к лучшему. Он не знал, что станет законодателем женственного стиля модерн, который будет отныне ассоциироваться исключительно с его работами. Он не знал, что несколько лет спустя завоюет звание Мастера с большой буквы, за которого дерутся клиенты, упрашивая нарисовать рекламу их продукта, будь то вино, шоколад или бюро путешествий. И, конечно, он не знал, что Сара Бернар добьётся своего и сделает его главным художником “Ренессанса”.

Все это было впереди, а сейчас Альфонс просто наслаждался моментом. Моментом своего первого триумфа. Триумфа Жисмонды...